

УДК 008

Хронотопия первых российских университетов: от поиска моделей до определения высших стимулов

Наумова Ольга Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Самарский государственный технический университет,
443100, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 244;
e-mail: naumovaos@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению специфики первых российских университетов как важнейших цивилизационных институтов в ракурсе развития гуманитарных пространств. Стремительное развитие науки и культуры определялось культурными кодами университетов, обгонявшими имперское сословное разделение. В статье представлена социокультурная интерпретация темпов трансформаций, пройденных первыми российскими университетами. Стремительные темпы развития российских дореволюционных университетов, активность их влияния на русскую культуру в целом были возможны благодаря синергии национального языка, кадров и опыта интернациональной науки в адаптации интернациональных институтов. Значительную роль в стремительном развитии университетов сыграли гуманитарные формы внутренней организации, которые закрепляли специфические национальные культурные коды. Сегодня вновь пересматриваются модели высших учебных заведений в стране, и такой трансдисциплинарный подход, формулирующий миссию университетов, включающий исторические, политические, науковедческие, культурологические аспекты и изучение темпов развития, является особенно актуальным. В этом плане неслучайным кажется возвращение к опыту старейших университетов, сыгравших в развитии национальных и региональных культур важную роль и сумевших в короткое историческое время завоевать международное признание, дав своей родине выдающуюся плеяду ученых мирового класса. Исследование методологических аспектов университета как цивилизационного института с мощной культурной составляющей и историко-культурной типологии первых российских университетов подтверждает идею автора статьи о том, что развитие университета невозможно без «длинного времени» (эстафета традиций) и без свободы научного творчества (гуманитарный дух и гомосфера вуза).

Для цитирования в научных исследованиях

Наумова О.С. Хронотопия первых российских университетов: от поиска моделей до определения высших стимулов // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 2А. С. 90-100.

Ключевые слова

Российский университет, миссия университета, гомосфера, гуманитарные пространства, хронотопия, «длинное время» университета.

Введение

В начале XX в. В.И. Вернадский писал, что университет относится к самым высоким образцам национальной и глобальной культуры, которые продвигают цивилизацию и приводят ее к «общечеловеческой культуре» [Владимир Вернадский..., 1993]. В России университеты появились на 600 лет позже первых европейских и явились не городской корпорацией знания, а императорским учреждением. Но уже к концу XIX в. на базе российских университетов выросли научные школы с мировой известностью, появились Нобелевские лауреаты, а именитые выпускники оказывали огромное влияние не только на отечественную, но и на мировую культуру. В гуманитарной атмосфере российских университетов сформировался уникальный тип ученого-подвижника и интеллигента, свободный от патернализма [Бурлина, Наумова, 2017]. Произошло это во многом благодаря гуманитарным стимулам университета, среди которых особенно выделяется влияние словесности и русского языка, консолидировавшего разные кафедры, научные общества, университетские издательства, театры, музеи и прочие формы внеучебной жизни Московского и других университетов России.

При рассмотрении кодов университета нами используются такие близкие понятия, как «гуманитарные пространства», «среда», «гомосфера», помогающие характеризовать университетский «дух». Граница между внешней средой и внутренними смыслами университетских институций весьма условна. Термин «гомосфера», введенный Д.С. Лихачевым [Лихачев, 1984], лежит за границей «биосферы» и указывает на культурные смыслы, созданные людьми, будь то значительные научные достижения, научные школы, издания, коллекции, музеи и т. д. Важнейшим методологическим ориентиром являются и исследования Ю.М. Лотмана, в частности концепция центра и периферии семиотических систем [Лотман, 2000]. Гуманитарные пространства в каждом отдельном университете, несомненно, выдвигали свой центр и периферию, актуальные для данного региона темы и своих «гениев места». В итоге складывалась многоуровневая система особенных гуманитарных смыслов, присущих конкретному университету. Вместе с тем были и общенациональные смысловые центры. Так, гуманитарные пространства первых российских университетов были скреплены русским языком, этосом служения науке и социальными лифтами. Подобное центрирование гуманитарных пространств до известных пределов компенсировало патернализм и несвободы университетского управления.

Методология и предыстория

Традиционно история первых российских университетов рассматривалась в документоведческом аспекте, представляющем фактическую последовательность событий: академии и «протоуниверситеты», вышедшие из монастырей; домашние школы для высокопоставленных молодых людей; наконец, Академия наук в Санкт-Петербурге; затем открытие университетов в Москве, Санкт-Петербурге, Дерпте, Казани, Харькове и в других городах Российской империи [Андреев, 2009; Захаров, 1998]. В рамках этого подхода, как правило, выпадают средовые и градообразующие роли университета для развития национальной культуры в целом, а также присущая России стремительность в накоплении научного и культурного слоя, порожденного университетами.

Другая университетская концепция, растиражированная в советское время, рассматривала университеты как основные очаги освободительной борьбы. Вот что пишет автор

обстоятельных очерков по истории российских университетов: «Вся история университетов в царской России рассматривалась как непрерывная конфронтация их с самодержавием и искусственно разделялась на досоветскую и советскую части, отрицали наличие общих университетских традиций, советский период изображали только в восторженных тонах» [Аврус, 2001].

Подобные подходы при всей их значимости или допустимости уводят на периферию анализ проблемы цивилизационного, национально-культурного и регионального значения университетов. И это серьезный методологический пробел, поскольку именно в России университет был не только образовательно-научным учреждением, но и институтом, порождавшим поколения людей нового типа и новые формы социокультурной жизни. В столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге, а тем более в провинциальных городах первые университеты становились не только очагами образования и науки, но и локомотивами развития данного региона и всей России. Чрезвычайно важный вывод формулируют авторы междисциплинарного исследования, посвященного Казанскому университету: «...наряду с бюрократической и военной лестницей в Российской империи была создана еще одна лестница социального происхождения – научная» [Вишленкова, 2005].

Что дает измерение хронотопа, в том числе темпов развития университетов в пространстве российской культуры? Известный немецкий ученый К. Шлегель отмечает: «До сего времени индикаторами развития общества считались производственные показатели, потребление, рост населения, к тому же в их статистическом и количественном измерении, но существуют иные, временные и качественные индикаторы, которые чрезвычайно важны для анализа модернизационных процессов» [Шлегель, 2009]. Темпы развития первых российских университетов, их влияние на русскую культуру в целом – уникальный пример модерности, который стал возможен благодаря синергии национального языка, кадров и опыта интернациональной науки в адаптации интернациональных институтов. Значительную роль в стремительном развитии университетов, по нашему мнению, сыграли также формы внутренней организации, которые закрепляли специфические национальные культурные коды. Отметим, что близкий нам подход к исследованию этоса и миссии университета на основе его хронотопа, институтов развития и персонализации разрабатывали в течение ряда лет культурологические школы в Екатеринбурге, Самаре, Саранске, Ярославле и др. [Бурлина и др., 2016; Воронина, 2006; Закс, 2014; Злотникова, 2011; Злотникова и др., 2016; Лисовец, 2016].

Трансдисциплинарный подход, формулирующий миссию университетов, включающий исторические, политические, науковедческие и культурологические аспекты и изучение темпов развития, особенно актуален в наши дни, когда вновь пересматривается модели высших учебных заведений в стране. На этом фоне особенно поучительно возвращение к опыту старейших университетов, сумевших в короткое историческое время завоевать международное признание и дать своей родине выдающуюся плеяду ученых мирового класса.

Одним из фундаментальных сюжетов эпохи первых российских университетов был фактор подготовки кадров для государственной службы как у себя на родине, так и за рубежом. Например, в 1696 г., в соответствии с одним из первых указов царя Петра I, 67 человек «стольников» были отправлены учиться разным наукам в Италию, Голландию и Англию, причем 6 человек находились в составе Великого посольства и учились вместе с молодым императором. Согласно инструкции, составленной лично царем, каждый отправлявшийся за границу обязан был пройти там курс наук по мореходству, математике, философии, «дохтурскому искусству, изучить чужестранные нравы и европейские языки», а по возвращении

в Россию сдать экзамен. Как пишут авторы современной летописи дипломатической службы, «позже многие из этих лиц займут видное положение в Российском государстве» [Дипломатия России..., www].

Организация обучения в выбранных странах Европы была самой подходящей формой и институтом, влиявшим на подготовку университетов России. Быстро и качественно организованное обучение российской высокопоставленной молодежи приближало европейские формы образования к России, толкая к созданию множества новых институтов, структур и личных связей. Налицо были процессы, называемые сегодня «интернационализацией» и «глобализацией», т. е. процессы, приводящие «к всеобъемлющему, всемирному связыванию структур, институтов и культур» [Арчер, 1999].

Поиски модели

Первыми в ряду образовательных проектов Петровской реформы были проекты академий, университетов, школ, обсуждавшиеся при участии выдающегося деятеля Просвещения, немецкого философа и ученого Готфрида Лейбница в результате его многолетнего диалога с Петром I [Герье, 1868-1871, т. 1-2; Петрушенко, 1999; Цыганков, 2008]. В дореволюционных источниках, а также в современных зарубежных изданиях дается высокая оценка значимости этого уникального общения. Примечательно, что оба участника диалога выстаивали сложные иерархии «наука – университет – развитие», «Россия – мост между Европой и Китаем». Важно, что первые российские университеты мыслились как участники этих цивилизационных концепций. Петр I был нацелен на определенные сферы и формирование их научного фундамента (кораблестроение, организация власти, налоговой системы; вооружение армии и создание заводов; наука, университеты и европеизация России). Все названные отрасли, связывающие разные направления развития страны, выводят на глобальную концепцию о роли России в мире. Таким было передовое мышление эпохи Просвещения, заявленное и развивавшееся в переписке и беседах русского царя и немецкого энциклопедиста, стремившихся создать проект, который бы системно вписывал российские университеты и академии наук в управленческие и образовательные системы.

Общепризнано сегодня то, что Лейбниц внес значительный вклад в проекты государственной и образовательной системы России в эпоху петровских преобразований [Куренной, 2004], при этом российская система образования и управления наукой оказалась значительно более фундаментальной и системной во внутренних связях между ее различными институтами, нежели ее европейские прототипы. Факт деятельного интереса Лейбница к России свидетельствует о снятии с России комплекса «чужой страны» на общеевропейском уровне: «Лейбниц, далеко от России живущий и, по сути дела, ничего о ней не знающий человек, тоже связывал будущее России с будущим всего рода человеческого. Он развивает идею культурной миссии России и всемирно-исторических задач, которые ей предстоит решить» [Петрушенко, 1977].

В контексте проблемы, связанной со становлением российского университета как особого института национальной науки и культуры, нельзя не отметить, что Лейбницу выпала особая роль в формировании научных школ в России и в создании фундаментальных университетских программ, функционирующих и сегодня [Анри, 1999]. Среди научных проектов Лейбница есть самые разнообразные идеи исторического, языкового, физического, организационного направлений, изучение которых позволяет выявить определенную последовательность: система

коллегий (в том числе, полицейской, образования), определяющая степени важности государственного управления; академия и университеты с максимально полным и фундаментальным образованием, готовящие кадры для коллегий и других государственных учреждений; осуществление Академией наук физических исследований и экспериментов, в том числе наблюдений за магнитным полем (впоследствии было реализовано при поддержке А. Гумбольдта); проведение академических географических экспедиций, в том числе по определению границы между Азиатским и Американским материком (впоследствии экспедиция В. Беринга, посланная Петром); создание системы школ для детей и подготовки учителей с учетом вышеуказанных научных проектов; придание учителю и профессору университета достойного социального статуса в системе коллегий. Так, Лейбниц писал: «Профессоров поставить наравне с высшими чиновниками в главных городах и при дворе, а учителей уравнивать во всем с высшими чиновниками в провинции» [Куренной, 2004].

Системность проектов состояла в том, чтобы применить университетские науки к ремеслам, к мануфактурной деятельности и вообще к улучшению народного благосостояния. Проектные идеи Петра I и Лейбница впоследствии были реализованы в разных вариантах и оказались весьма долговременными. Российские университеты в XIX-XX вв. создали цельный «часовой механизм»: высокий социальный статус – фундаментальность обучения – экспериментальная работа – прямое участие в практиках. Дух высокой науки, преемственность поколений ученых и гуманитарных пространств внутри и во вне университета сохранялись в России как эталонные на протяжении столетий.

Затрагивая тему системности университетских проектов, предлагаемых в эпоху Петра I, укажем на вопросы, связанные со средой и гуманитарным пространством вуза, в которые впоследствии будут «помещены» совершенные проекты университетов. В 1754 г. М.В. Ломоносов пишет: «Университет Санкт-Петербургский не имеет действия», а за два года до этого: «Извне почти одне развалины, внутрь нет ничего, что бы Академию и Университетом могло называться» [Марголис, 1988]. Имеется множество других документов, которые указывают на отсутствие системности и сопротивление социальной среды реализации данных проектов в первой половине XVIII в. В проектах будущих университетов значительную роль играли факторы царского престижа: во всех европейских государствах они уже были – значит, нужны и российской монархии, желавшей выглядеть просвещенной. Между тем власть ни на начальном этапе, ни позднее не готова была передать университетам их неотъемлемые свободы. Так, существующее во всех европейских университетах свободное присуждение ученых степеней, обладающее до сих пор неповторимой магией, как формулирует П. Бурдые, с большими ограничениями вводилось в России [Бурдые, 2005]. В этом плане многозначным и ироничным кажется название статьи П.Ю. Уварова «Российская гастроль университетской идеи» [Уваров, 1998]: гастроль как единичный показ, случайная демонстрация, не имеющая корней и соответствующей среды. Впрочем, на эту тему еще высказывался В.О. Ключевский, отмечая: «Перед старой романо-германской Европой... предстала новая русская Европа... с большим количеством рекрутов и вывозного сырья, но без прочих культурных запасов» [Ключевский, www].

Таким образом, поиски моделей российского университета, с которых, по сути, и началось развитие отечественной высшей школы, показали, что в одночасье перенести эту концепцию в среду, которая еще не сформировалась, оказалось сложным и почти неразрешимым делом. Реализация этих идей была долгой. Если другие институциональные проекты Петра I (военные учебные заведения, армия, заводы, строительство кораблей и др.) воплощались в течение

нескольких десятилетий, то становление Академии наук в Санкт-Петербурге стагнировало, а Московскому университету потребовалось не менее полувека, чтобы завоевать свое место в городе.

Институциональная специфика

Так можно ли измерять вклад социокультурных стимулов и духа университета в становление национальной культуры? Ответом может быть указание на то, что уже 250 лет выпускники приводят новые и новые аргументы в пользу уникального и действенного влияния Московского университета и позднее открытых университетов на всю национальную культуру. В 2005 г. в докладе ректора МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовниченко, посвященном 250-летию Московского университета, прозвучала мысль, суммировавшая разные научные и общественные векторы: «Создание Московского университета явилось результатом совместных действий трех исторических сил: зарождающейся российской науки, просветительских взглядов и устремлений российского общества и государственной власти» [Садовничий, www].

Следует отметить серьезные отличия российских университетов от первых европейских вузов, являющихся корпорациями и заимствовавшими организационное устройство у других городских организаций. Подобно тому как физическое пространство города было плотно застроено домами городских ремесленников, выраставшими вокруг собора, дворца и рынка, гуманитарное пространство европейских городов было наполнено ценностями и смыслами, которые кардинально отличались от сельских отношений или придворных привычек. Полифония городских пространств [Подшивалова, www] предполагала не просто жителей, но именно горожан с особыми ценностями и предпочтениями, ценившими профессора или студента как производителей особенного «продукта» – знаний.

Российские университеты XVIII-XIX вв. родились в другой социокультурной ситуации, имели иной этос и миссию. Принятые в западных университетах свободы – от выбора ректора и других должностных лиц до отстаивания собственной точки зрения на диспутах – не прижились в России. Министерства и другие административные структуры патерналистски регламентировали повседневную жизнь российских профессоров и студентов. Кроме того, карьера каждого могла серьезно измениться под влиянием высокопоставленных персон. Патернализм предопределял взлеты и падения любого профессора или студента.

Университет проектировал будущее выпускников на родном языке, расширял сословные границы, сформировав на этой основе высокие представления о роли отечественной науки и культуры. В то же время все университетские подразделения строго контролировались сверху, что значительно отличало российские университеты от западных институтов. Известно, например, что отбор студентов в университеты, в зависимости от времени и места, имел сословные, национальные и гендерные ограничения. И тем не менее университет оказывался гораздо более открытым, чем другие институты дореволюционной России. В этом и состояла его национально-цивилизационная миссия.

Университет изначально являлся «социальным лифтом», давая возможность выпускнику стремительно строить карьеру, с одной стороны, а с другой – в этом состоял важнейший механизм роста самих университетов, основывавшийся на перспективе для представителей всех сословий. Открытость российских университетов низшим социально-имущественным группам давала вузам колоссальные стимулы развития. Так, к концу XIX в. Россия уже имела

оригинальные научные разработки, конкурировавшие с зарубежными открытиями во многих отраслях науки, в том числе в химии, физике, медицине. В этот период рождаются фундаментальные открытия и практические проекты для здравоохранения и индустрии, созданные университетскими профессорами В.М. Бехтеревым, Д.И. Менделеевым, И.И. Мечниковым, И.И. Сеченовым и др. Названные процессы недостаточно изучались в гуманитарном аспекте, имеющем высокую практическую значимость для современности.

Культурные коды, регулировавшие университетские профессии в XIX в., достаточно хорошо известны под названием «российская интеллигенция». Свободная деятельность университетской профессуры, несомненно, совершала накопление знания и двигала его в более широкие круги горожан. Просветительская деятельность дореволюционной профессуры была мало регламентирована: общедоступные лекции в библиотеках или музеях, научных кружках или университетских научных обществах никто не контролировал. Университетские профессора были просветителями, которые читали бесконечное количество общедоступных лекций, руководили городскими научными обществами, издавали не только научные труды, но также выступали в роли публицистов, ездили в экспедиции, поддерживали театры, открывали музеи, руководили музыкальными коллективами города и т. д. Коллекционирование, музеефикация и предоставление своих собраний широкой публике также являлись свободными формами деятельности. К примеру, ректор Московского университета и выдающийся ученый-историк С.М. Соловьев создал Исторический музей, а инициатором музея Изыщных искусств им. А.С. Пушкина стал профессор И.В. Цветаев. Многочисленные естественнонаучные и гуманитарные коллекции кафедр были открыты для горожан. Привлечение широкой аудитории в университет, ее свободное участие в разнообразных акциях университетских специалистов, безусловно, формировали новые институты, с одной стороны, и город – с другой.

Очевидна градообразующая функция российских университетов. Профессор И.Л. Волгин пишет: «Здесь, в центре Москвы, располагалось самое чувствилище культуры. Пожалуй, только в Московском университете был в такой мере сконцентрирован умственный потенциал нации... Он был сообществом людей, для которых смысл жизни, поиск истины, постижение общих законов мироздания не были пустым звуком, а становились частью их нравственного существа» [Волгин, 2004].

Особое значение имело открытие университетов в провинциальных городах. Казанский университет был построен по повелению Екатерины Великой во вновь завоеванном многонациональном регионе в 1804 г. [Ридингс, 2009]. Наличие Казанского университета сыграло огромную роль в консолидации культур и интеграции местного населения в русскую культуру и науку. Здесь плодотворно трудились многие поколения специалистов по национальному татарскому языку и культуре. «Случай Казанского университета» был большой просветительской победой Российской империи, нельзя не заключить, что университет стал институтом, завоевавшим и сохранившим границы империи, помилив врагов и превратив в свои «чужие» регионы России [Казанский университет..., 1979].

Таким образом, собирая под одной крышей людей разных сословий, университеты становились первыми учреждениями, которые кардинально меняли сословные и должностные барьеры, господствовавшие в обществе. Именно здесь актуализировались новые тенденции, спонтанно возникавшие в общественной и культурной сферах российской жизни, рождались кружки и научные общества. Идеи об общественной пользе образования, публичное признание ценности абстрактного знания, речь и лекция, кружок и научное общество, публичный диспут как форма научного суждения, диалогичность самих научных трудов – все эти составляющие

университетской культуры были новшествами, которые незаметно входили в общественную практику – их вносили в быт России первые университеты.

Заключение

Хронотопия первых российских университетов поражает своей стремительностью, а гуманитарные пространства – разнообразием и влиятельностью. Родившись позднее старейших университетов Европы, они вышли на мировую арену в конце XIX в., выдвинув немало ученых мирового класса. Личная ответственность и свобода профессуры сыграли стимулирующую роль в названных процессах. Ангажированность профессорской интеллигенции базировалась на их высоком социальном статусе, полученном не благодаря, а вопреки сословному разделению, на их личных свободах в просветительских проектах и реформах.

Патерналистская атмосфера российских университетов не могла регламентировать научную деятельность и просветительство: наука и просветительство были каналами, естественно дополнявшие свободное развитие университета. Природа университетских достижений и стремительной модернизации была системной: социальные преимущества и лифты университетов, научные школы и атмосфера университета как механизмы ускоренного развития, доступная интернационализация и возможность в стенах родного университета участвовать в уникальных научных и просветительских проектах.

Успехи первых российских университетов были бы немыслимы без учета этических и социокультурных стимулов, что весьма актуально для современных дискуссий о реформах российских университетов, о путях их качественного и количественного развития.

Библиография

1. Аврус А.И. История российских университетов: очерки. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 85 с.
2. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 45 с.
3. Анри В.А. Роль Лейбница в создании научных школ в России // Успехи физических наук. 1999. Т. 169. № 12. С. 1329-1331.
4. Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества. М.: Кучково поле, 1999. С. 63-78.
5. Бурдые П. Запись лекции, прочитанной 23 сентября 1993 года в Геттингене // Социология социального пространства. М., 2005.
6. Бурлина Е.Я. и др. Хронотопия города. Самара: Книжное издательство, 2016. 240 с.
7. Бурлина Е.Я., Наумова О.С. Гуманитарные пространства университета: цивилизационные, национальные и региональные аспекты. Самара: СамНЦ РАН, 2017. 210 с.
8. Вишленкова Е.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Издательство Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 500 с.
9. Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М.: Современник, 1993. 688 с.
10. Волгин И.Л. Предисловие // Московский университет в судьбе русских писателей и журналистов. Статьи. Письма. Речи. Дневники. Воспоминания. М.: Издательство Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2004.
11. Воронина Н.И. Лики провинциальной культуры. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2006. 232 с.
12. Герье В. Лейбниц и его век. СПб.: Печатня В. Головина, 1868-1871. Т. 1-2. 621 с.
13. Дипломатия России. От Посольского приказа до наших дней. URL: http://www.idd.mid.ru/letopis_dip_sluzhby_04.html
14. Закс Л.А. Город как машина культуры: прошлое и современность // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей. Екатеринбург: Филантроп, 2014. С. 17-37.
15. Захаров И.В. Миссия университетов в европейской культуре. М.: Новое тысячелетие, 1998. 240 с.

16. Злотникова Т.С. Человек. Хронотоп. Культура. Введение в культурологию. Ярославль: Издательство Ярославского государственного педагогического университета, 2011. 331 с.
17. Злотникова Т.С., Киященко Л.П., Летина Н.Н., Ерохина Т.И. Особенности массовой культуры российской провинции // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 110-114.
18. Казанский университет, 1804-1979: очерки истории. Казань: Издательство Казанского университета, 1979. 304 с.
19. Ключевский В.О. Курс русской истории. URL: http://statehistory.ru/books/Vasilii-Klyuchevskiy_Kurs-russkoj-istorii
20. Куренной В.А. Лейбниц и Петровские реформы // Отечественные записки. 2004. № 6. С. 94-100.
21. Лисовец И.М. «Ельцин центр» в Екатеринбурге: пространство культуры постсоветского города // Гении места: наследия культуры в современных российских городах. Самара: Книжное издательство, 2016. С. 22-30.
22. Лихачев Д.С. Гомосфера – термин наших дней // Огонек. 1984. № 36. С. 17-19.
23. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
24. Марголис Ю.Д. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1988. 232 с.
25. Петрушенко Л.А. Лейбниц. Его жизнь и судьба. М.: Экономическая газета, 1999. 600 с.
26. Петрушенко Л.А. Раздвоенный, или Поучительная, но увя, невеселая история о явной и сокровенной жизни и философии Готфрида Вильгельма фон Лейбница. М.: Знание, 1977. 351 с.
27. Подшивалова Е.А. Университеты Лотмана. URL: <http://unipress.udsu.ru>
28. Ридингс Б. Университет в руинах. Минск: Издательство Белорусского государственного университета, 2009. 248 с.
29. Садовничий В.А. История Московского университета – история образования и науки в России. URL: <http://www.luchmir.com/History/MoscowUniversitySadovnichii.htm>
30. Уваров П.Ю. Российская гастроль университетской идеи // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 74-82.
31. Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. 256 с.
32. Шлегель К. Волжские гастроли оркестра Кусевицкого: некоторые размышления об отношении столицы и провинции на закате Российской империи // Материалы Международного colloquium «Культуры городов Российской империи на рубеже XIX-XX вв.». СПб., 2009. С. 428-440.

The chronotopia of the first Russian universities: from searching models to determining higher incentives

Ol'ga S. Naumova

PhD in Philology, Associate Professor,
Samara State Technical University,
443100, 244 Molodogvardeiskaya st., Samara, Russian Federation;
e-mail: naumovaos@mail.ru

Abstract

The article deals with the specifics of the first Russian universities as the most important civilisational institutions in terms of the development of humanitarian spaces. The rapid development of science and culture was determined by the cultural codes of universities that overtook the imperial class division. The article presents the socio-cultural interpretation of the pace of transformations in the first Russian universities. The rapid pace of the development of Russian pre-revolutionary universities and their influence on Russian culture in general were possible thanks to the synergy of the national language, personnel and the experience of international science. A significant role in the rapid development of universities was played by the humanitarian forms of

internal organisation. Today, the models of higher education institutions in the country are being reviewed again, and this transdisciplinary approach, which formulates the mission of universities, including historical, political, scientific, cultural aspects and the study of the pace of development, is particularly relevant. The study of the methodological aspects of the university as a civilisational institution with a strong cultural component and the historical and cultural typology of the first Russian universities confirms the author's idea that the development of universities is impossible without a "long time" and without the freedom of scientific creativity.

For citation

Naumova O.S. (2018) *Khronotopiya pervykh rossiiskikh universitetov: ot poiska modelei do opredeleniya vysshikh stimulov* [The chronotopia of the first Russian universities: from searching models to determining higher incentives]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (2A), pp. 90-100.

Keywords

Russian university, university mission, homosphere, humanitarian space, chronotopia, "long time" of the university.

References

1. Andreev A.Yu. (2009) *Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian universities in the 18th and the first half of the 19th centuries in the context of the university history of Europe]. Moscow: Znak Publ.
2. Archer M. (1998) Realism and morphogenesis. In: *Critical realism: essential readings*. Routledge, pp. 356-381. (Russ. ed.: Archer M. (1999) Realizm i morfogenez. In: *Teoriya obshchestva* [Theory of society]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., pp. 63-78.)
3. Avrus A.I. (2001) *Istoriya rossiiskikh universitetov: ocherki* [A history of Russian universities: an outline]. Moscow: Moscow Public Science Foundation.
4. Bourdieu P. (2005) Zapis' lektsii, pročitannoi 23 sentyabrya 1993 goda v Gettingene [A lecture delivered on September 23, 1993 in Göttingen]. In: *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The sociology of social space]. Moscow.
5. Burlina E.Ya. et al. (2016) *Khronotopiya goroda* [The chronotopia of the city]. Samara: Knizhnoe izdatel'stvo Publ.
6. Burlina E.Ya., Naumova O.S. (2017) *Gumanitarnye prostranstva universiteta: tsivilizatsionnye, natsional'nye i regional'nye aspekty* [Humanitarian spaces of the university: civilisational, national and regional aspects]. Samara: Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
7. *Diplomatiya Rossii. Ot Posol'skogo prikaza do nashikh dnei* [The diplomacy in Russia. From the Embassy Office to the present day]. Available at: http://www.idd.mid.ru/letopis_dip_sluzhby_04.html [Accessed 21/03/18].
8. Guerrier V. (1868-1871) *Leibnits i ego vek* [Leibniz and his era], Vol. 1-2. St. Petersburg: Pechatnya V. Golovina.
9. Henri V.A. (1999) Rol' Leibnitsa v sozdanií nauchnykh shkól v Rossii [The role of Leibniz in the creation of scientific schools in Russia]. *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in physical sciences], 169 (12), pp. 1329-1331.
10. *Kazanskii universitet, 1804-1979: ocherki istorii* [Kazan University, 1804-1979: an outline of the history] (1979). Kazan: Kazan University.
11. Klyuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii* [A course in Russian history]. Available at: http://statehistory.ru/books/Vasiliiy-Klyuchevskiy_Kurs-russkoy-istorii [Accessed 21/03/18].
12. Kurennoi V.A. (2004) Leibnits i Petrovskie reformy [Leibniz and Peter's reforms]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 6, pp. 94-100.
13. Likhachev D.S. (1984) Gomosfera – termin nashikh dnei [Homosphere – a term of our days]. *Ogonek* [Light], 36, pp. 17-19.
14. Lisovets I.M. (2016) "El'tsin tsentr" v Ekaterinburge: prostranstvo kul'tury postsovetskogo goroda [The "Yeltsin Centre" in Ekaterinburg: the space of the culture of the post-Soviet city]. In: *Genii mesta: naslediya kul'tury v sovremennykh rossiiskikh gorodakh* [The genii of the place: the heritage of culture in modern Russian cities]. Samara: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 22-30.
15. Lotman Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ.
16. Margolis Yu.D. (1988) *Otechestvu na pol'zu, a rossiyanam vo slavu. Iz istorii universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v XVIII – nachale XIX v.* [For the benefit of the Fatherland, for the glory of the Russians. From the history

- of university education in St. Petersburg in the 18th and the beginning of the 19th centuries]. Leningrad: Leningrad State University.
17. Petrushenko L.A. (1999) *Leibnits. Ego zhizn' i sud'ba* [Leibniz. His life and fate]. Moscow: Ekonomicheskaya gazeta Publ.
 18. Petrushenko L.A. (1977) *Razdvoenniy, ili Pouchitel'naya, no uvy, neveselaya istoriya o yavnoi i sokrovennoi zhizni i filosofii Gotfrida Vil'gel'ma fon Leibnitsa* [The bifurcated, or An instructive, but alas, cheerless story about the obvious and intimate life and philosophy of Gottfried Wilhelm von Leibniz]. Moscow: Znanie Publ.
 19. Podshivalova E.A. *Universitety Lotmana* [The universities of Lotman]. Available at: <http://unipress.udsu.ru> [Accessed 21/03/18].
 20. Readings B. (1997) *The university in ruins*. Harvard University Press. (Russ. ed.: Readings B. (2009) *Universitet v ruinakh*. Minsk: Belorussian State University.)
 21. Sadovnichii V.A. *Istoriya Moskovskogo universiteta – istoriya obrazovaniya i nauki v Rossii* [A history of Moscow University – a history of education and science in Russia]. Available at: <http://www.luchmir.com/History/MoscowUniversitySadovnichii.htm> [Accessed 21/03/18].
 22. Schlegel K. (2009) Volzhskie gastroli orkestra Kusevitskogo: nekotorye razmyshleniya ob otnoshenii stolitsy i provintsii na zakate Rossiiskoi imperii [The Volga tour of the Kusevitsky orchestra: some reflections on the relations between the capital and the province in the decline of the Russian Empire]. *Materialy Mezhdunarodnogo kollokviuma "Kul'tury gorodov Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX-XX vv."* [Proc. Int. Coll. "Cultures of the cities of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries"]. St. Petersburg, pp. 428-440.
 23. Tsygankov D.A. (2008) *V.I. Ger'e i Moskovskii universitet ego epokhi* [V. Guerrier and the Moscow University of his era]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.
 24. Uvarov P.Yu. (1998) Rossiiskaya gastrol' universitetskoi idei [The Russian tour of the university idea]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 11, pp. 74-82.
 25. Vishlenkova E.A. (2005) *Terra Universitatis: dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: two centuries of university culture in Kazan]. Kazan: Kazan State University.
 26. *Vladimir Vernadskii: Zhizneopisanie. Izbrannye trudy. Vospominaniya sovremennikov. Suzhdeniya potomkov* [Vladimir Vernadsky: Biography. Selected works. The memoirs of contemporaries. The judgments of descendants] (1993). Moscow: Sovremennik Publ.
 27. Volgin I.L. (2004) Predislovie [Preface]. In: *Moskovskii universitet v sud'be russkikh pisatelei i zhurnalistov. Stat'i. Pis'ma. Rechi. Dnevniky. Vospominaniya* [Moscow University in the fate of Russian writers and journalists. Articles. Letters. Speeches. Diaries. Memoirs]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.
 28. Voronina N.I. (2006) *Liki provintsial'noi kul'tury* [The faces of provincial culture]. Saransk: Mordovia University.
 29. Zakharov I.V. (1998) *Missiya universitetov v evropeiskoi kul'ture* [The mission of universities in European culture]. Moscow: Novoe tysyacheletie Publ.
 30. Zaks L.A. (2014) Gorod kak mashina kul'tury: proshloe i sovremennost' [The city as a machine of culture: the past and the present]. In: *Sovremennyyi gorod: sotsial'nost', kul'tury, zhizn' lyudei* [Modern cities: sociality, culture, people's lives]. Ekaterinburg: Filantrop Publ., pp. 17-37.
 31. Zlotnikova T.S. (2011) *Chelovek. Khronotop. Kul'tura. Vvedenie v kul'turologiyu* [Man. The chronotope. Culture. An introduction to cultural studies]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
 32. Zlotnikova T.S., Kiyashchenko L.P., Letina N.N., Erokhina T.I. (2016) Osobennosti massovoi kul'tury rossiiskoi provintsii [The peculiarities of the culture of the Russian province]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 5, pp. 110-114.